

Алексей Бородин:

Береги честь смолоду

Главный режиссер Российского академического молодежного театра Алексей Владимирович Бородин руководит группой, которая находится в здании, где некогда играл великий Михаил Чехов. И сколько бы ни приходила я в эти стены, не могу отделаться от ощущения: что-то сохранилось, что-то под этой крышей «держит» память о былом.

— Да, дом у нас хороший, просто замечательный, по этому зданию вообще надо походить — там наверху деревянные балки, мостики. Ощущение какого-то корабля, чего-то как будто нереального. И именно здесь был сыгран последний спектакль Михаила Чехова. Уже было известно, что театр закрывается, а спектакль назывался — помните как? — «Мольба о жизни». Что-то в этом есть... Но потом сюда ворвался другой театр, другой воздух.

Не зря ведь говорят, что театр должен прожить какое-то определенное количество лет, а потом или умереть, или измениться. Вот через одиннадцать лет после моего прихода поменялось название (мы были Центральным детским) и началась как бы новая жизнь. Вообще я убежден, что каждый новый сезон в идеале — жизнь сначала. И это очень важно. В детских театрах — так уж судьба сложилась — все по-иному: надо прожить какой-то период, прожить его медленно, постепенно, а потом — все с самого начала.

Мы ставили много «однодневок», но сейчас, мне кажется, приходит время большой, серьезной современной пьесы. Сегодня оно наступит или завтра — не знаю, но наступит обязательно.

— Мне кажется, что несколько сезонов и особенно последний у вашего театра складываются удачно. Много премьер, самых разнообразных работ различных режиссеров...

— Для нас прошедший сезон — во многом неожиданный. В каком-то смысле — это сезон овладения непривычными для нас формами: на большой сцене фактически мы не выпустили ничего, кроме «Звездного мальчика», остальные спек-

такли как-то непривычно для нас разошлись: «Наш городок», «Нечотка Незванова», «Богатые невесты» Островского играют на малой сцене, «Береника» Расина — на парадной лестнице, «Жизнь впереди» Ажара идет на сцене театра, отгороженной от зрительного зала, когда и актеры, и зрители как бы вместе существуют на подмостках.

Сам я страшно люблю большую сцену. Это, мне кажется, мое. Но вот сложилось в театре именно так, а не иначе, значит, так надо. Но сейчас пришел черед большой сцены — я репетирую здесь «Большие надежды» по Диккенсу, а Юрий Еремин ставит по собственной инсценировке — на мой взгляд, очень тонкой и интересной — «Капитанскую дочку».

— А как ваши студенты, вернее, бывшие студенты — ведь они окончили уже РАТИ. Я видела их в нескольких спектаклях.

— Я к ним очень хорошо отношусь. Их всего одиннадцать человек. Все они вместе играют в «Вечере русских водевилей» и в «Нашем городке» (это были дипломный спектакль). Ребята очень любят театр, причем не эгоистически, они, мне кажется, понимают, что это такое, умеют быть братством. И, работая над спектаклем, по-настоящему умеют помогать друг другу раскрыться.

Когда я пришел в этот театр, здесь очень сильным было старшее поколение, разное среднее (я имею в виду не их профессиональные качества, а человеческое содержание), а явно не хватало молодежи. Нужно было создавать новое театральное поколение — и здесь, надо сказать, мне сопутствовал период очень большого везения: курса у меня тог-

да не было, и по училищам, по институтам мы начали набирать молодежь: Дворжецкого, Веселкина, Шувалова, Моравскую... И в этом смысле очень важным для нас был спектакль «Ловушка номер 46, рост второй...» по пьесе Юрия Щекотихина. Важен, потому что они все вышли на сцену. Мы нашли это поколение, а они нашли друг друга и очень много принесли в театр от себя как личности. Спустя восемь-девять лет они составили еще молодое, но уже реально существующее ядро театра.

Очень важно, на мой взгляд, что у нас в театре как бы соединились сильные части всех поколений, соединились в нечто общее в спектакле «Отверженные». Объединение это не было формальным, оно породило некое новое, важное для нас качество. Только так, мне кажется, и можно обрести некий свой театальный язык. Здесь, кстати, колоссальное значение имеет сценография — она ведь тоже служит выработке этого языка, и огромную роль для этого театра сыграл Станислав Бенедиктов: он принес свою, совершенно новую эстетику.

В театрах нашего типа со зрителями разных возрастов все это очень и очень важно. Меня поразило, когда я прочитал ответ Питера Брука на вопрос: какого зрителя он считает самым лучшим? Брук ответил: дети с родителями. Так режиссер проверяет, состоялся ли спектакль. И дело в том, что сам я не раз наблюдал: самый прекрасный зал — тот, в котором присутствуют именно дети, родители, театральная публика и неизбежная часть случайной публики. Потому что разница восприятия очень наглядно демонстрирует качество спектакля.

Хотя я совершенно убежден, что в любой театр должен быть доступ детям. Деление искусства невозможно, подумайте сами: что такое сегодняшние дети? Малыши — дошкольники, а остальные уже подростки,

юноши и девушки, кто угодно, только не дети. Им доступно уже все, и здесь наше дело — щадить их неопытность. Я ведь веду сына в Третьяковскую галерею не только для того, чтобы он посмотрел «Девочку с персиками», — чтобы он оказался в определенной атмосфере и эту атмосферу воспринял и осмыслил, как может. Когда-то в Малом театре были утренники, и семья брала ложу. Вот какую традицию надо бы сохранить, а раз не сохранили — так хоть возродить...

— Теперь я, кажется, поняла смысл вашего переименования. Российский молодежный театр — это, конечно, снимает ограничения, но традицию не теряет.

— Сегодня границы между возрастными стерлись, дети сами стали иначе себя воспринимать. Я очень люблю название Центральный детский, это связано с моим детством, с потрясениями, которые здесь были во всяком возрасте.

Я, например, на всю жизнь запомнил спектакль Марии Осиповны Кнебель «На улице Уитмена». Не думаю, что это была лучшая американская пьеса, но до сих пор помню, как играли Воронов, Новожилова, Степанова... А «Друг мой, Колька!» — я учился еще в школе, и это было настоящее потрясение! И «Два капитана» помню. Вообще, этот театр всегда был для меня каким-то волшебством...

При всех противоречиях времени в этом театре работали совершенно особенные люди, они жили и держались совершенно по-другому.

Да и в нашей жизни очень важно — кто работает рядом с тобой: Елена Долгина, Станислав Бенедиктов, актеры... Я пришел в этот театр в трудный момент. Кроме воспоминаний детства, ничего к нему не привязывало, но увидел лица артистов... И понял, что отвечаю за это дело.

Беседу вела
Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ.